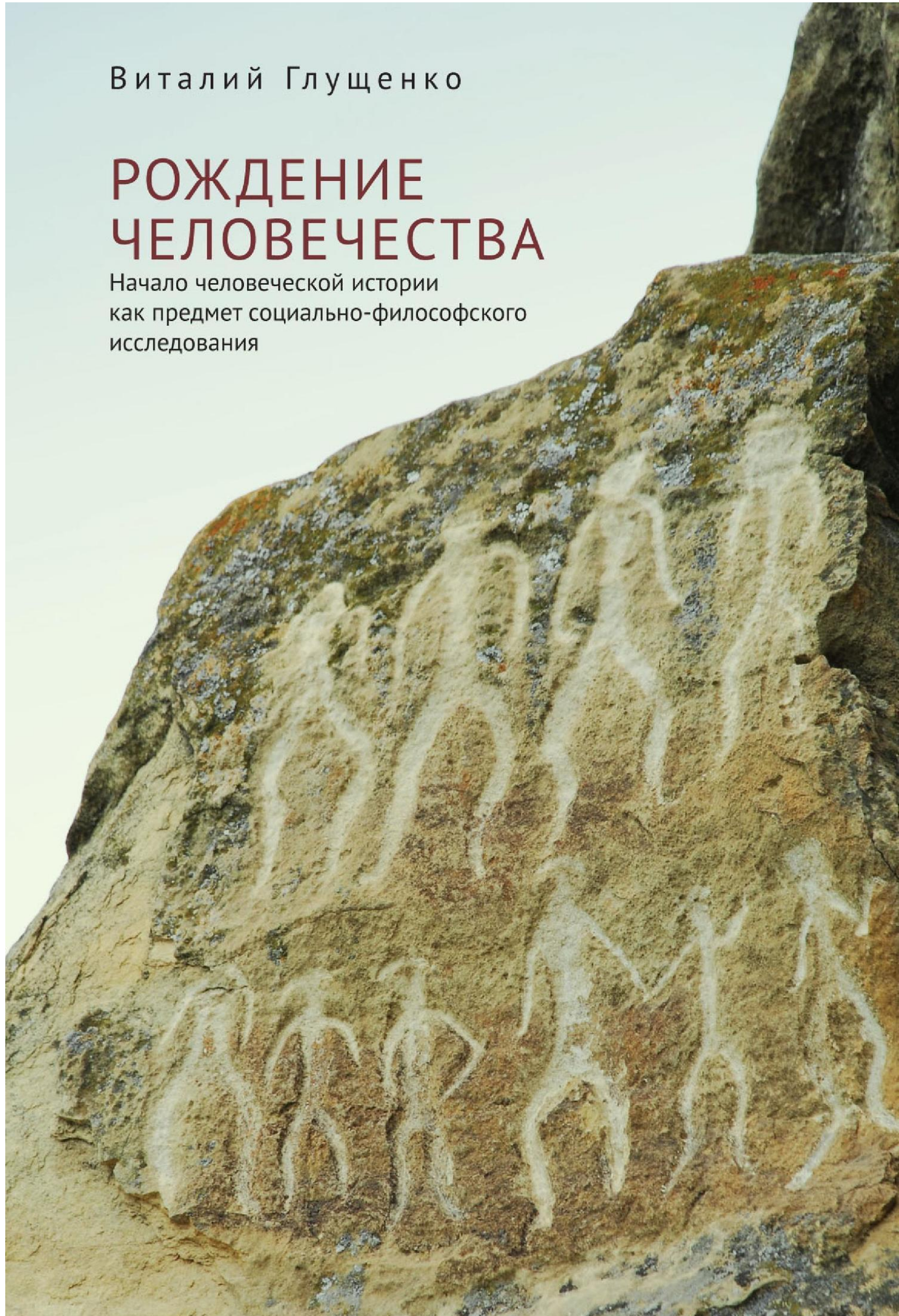

Виталий Глущенко

РОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Начало человеческой истории
как предмет социально-философского
исследования

Виталий Глущенко

**Рождение человечества.
Начало человеческой истории
как предмет социально-
философского исследования**

«Алетейя»

Глущенко В. В.

Рождение человечества. Начало человеческой истории как предмет социально-философского исследования / В. В. Глущенко — «Алетейя»,

ISBN 978-5-00165-012-6

Что такое социальность? Чем человек отличается от животного, а человеческое общество от стада? Как возникло это отличие? Развивая в своем социально-философском исследовании идеи выдающегося историка и социолога Б. Ф. Поршнева (1905, Санкт-Петербург – 1972, Москва) на основе новейших научных данных, автор создает реконструкцию картины рождения человечества, завершения дивергенции неантропа и палеоантропа и исхода человека из животного мира. В завершение работы предлагается новое, логически непротиворечивое определение социальности.

ISBN 978-5-00165-012-6

© Глущенко В. В.

© Алетейя

Содержание

Введение	5
Часть первая	11
Время Поршнева. История вопроса о начале человеческой истории	11
Глава 1	15
Глава 2	22
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Виталий Глушенко

Рождение человечества: начало человеческой истории как предмет социально-философского исследования

Введение

Человеческую социальность от того, что часто именуют «социальностью» применительно к животным и даже микроорганизмам, отличает по крайней мере один четкий критерий: она имеет собственную историю, развивающуюся независимо от биологического развития человеческого вида, причем такими быстрыми темпами, в сравнении с которыми скорость биологической эволюции человека можно принять за ноль. В то же время развитие «социальности» всех других биологических видов, у которых ее усматривают, зависит от их эволюции. По этой причине мы считаем себя вправе применять термин «социальность» в собственном значении (без кавычек) исключительно к человеку, скептически относясь к результатам исследований «социальных систем», избравшим для себя объектами стада животных, колонии насекомых и микроорганизмов.

Однако знание критерия социальности не освобождает нас от необходимости углубления нашего понимания того, *что* такое социальность. На сегодняшний день наука, если исключить обозначенный выше уклон в биологизм, недалеко ушла от изначального, самого общего понимания социальности, существовавшего уже в XIX веке и вошедшего в словарь Даля. Согласно этому пониманию социальность – «общественность, общежительность, гражданственность, взаимные отношения гражданского быта, жизни»¹. При обобщении данного ряда получаем, что социальность – совокупность социальных качеств, свойств социального. Но дело в том, что социальное при этом понимается не иначе как нечто, связанное с обществом, жизнью в обществе, общественными отношениями. Другими словами, социальность отсылает нас к социальному, а социальное – к социальности. *Idem per idem*.

Чтобы вырваться из этого порочного круга, нам не остается ничего другого, кроме как воспользоваться правилом, сформулированным Борисом Федоровичем Поршневым (1905–1972): «Если ты хочешь понять что-либо, узнай, как оно возникло»². В переводе на язык методологии это значит прибегнуть к историческому методу – историзму.

Таким образом, актуальность нашего исследования предопределена научной необходимостью более глубокого понимания социальной природы человека. В том, что такая необходимость существует, нас убеждают острые противоречия, в которых эта социальная природа зачастую себя проявляет, ежедневно поставляя события местного и глобального масштаба, наполняющие новостные ленты.

На первый взгляд может показаться, что выбранная нами тема имеет высокую степень разработанности. Только отечественная библиография, посвященная началу человеческой истории, включает в себя работы таких выдающихся ученых, как В. П. Алексеев, П. И. Борисковский, Ю. В. Бромлей, Ю. И. Ефимов, И. М. Дьяконов, Н. В. Клягин, М. Ф. Нестурх,

¹ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-е М.О. Вольфа, 1882. С. 291.

² *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) / Науч. ред. О.Т. Вите. СПб: Алетейя, 2007. С. 20.

А. И. Першиц, Я. Я. Рогинский, Ю. И. Семенов и др. Однако более детальный взгляд способен внести в эту картину значительные коррективы.

Все работы с самого начала можно разделить на две неравные части – два списка. В первом списке окажутся исследования, рассматривающие начало в *широком* смысле, т. е. начало как *первый этап* развития человечества, сменяющийся позже другими этапами, начало как *первобытное общество*. Но это – совсем другой предмет исследования. Интересующее нас начало – пересечение качественной грани между животным и человеком, стадностью и социальностью – при таком понимании теряется из виду, делается невозможным выделение четкого критерия, позволяющего утверждать: вот здесь перед нами еще животное, а вот здесь – уже человек.

Так, в одном из исследований первобытности автор пишет: «Превращение обезьян в людей, стада животных в человеческое общество было очень длительным, сложным, противоречивым процессом, занявшим несколько миллионов лет и захватившим обширные территории»³. Не подвергая сомнению истинность этого высказывания, мы вынуждены констатировать, что его истина для нас неприемлемо абстрактна, и там, где автор, как ему кажется, дает ответ, для нас вопрос только начинается: в какой момент указанного процесса перед нами *уже* человек, а не животное, общество, а не стадо? Только при такой постановке вопроса можно приблизиться к пониманию социальности. Но ни одна из работ, попавших в первый список, даже не считает такой вопрос актуальным и, таким образом, не имеет прямого отношения к теме нашего исследования.

Впрочем, об одной работе нам придется сказать особо. В целом ничем не привлекательная, она обязана нашему вниманию исключительно своим названием, которое почти полностью совпадает с подзаглавием нашей работы. Речь идет о защищенной в 1990 г. в МГУ по специальности «диалектический и исторический материализм» кандидатской диссертации А. Е. Лернера «Начало человеческой истории как объект социально-философского анализа». Но, кроме похожего названия, исследование не имеет ничего общего с тем, что планируем сделать мы, и фактически написано на другую тему. Понятие начала истории у Лернера по смыслу полностью совпадает с понятием первобытности в широком смысле, т. е. первобытным обществом. Попытка рассмотреть «начало человеческой истории как конкретное историческое событие» для автора упирается в «многозначность и расплывчатость понятия социального», в то время как для нас само такое рассмотрение необходимо, чтобы лучше понять социальное. «Естественные узы» общности, табу, общину – эти и другие явления автор принимает в готовом виде, заранее существующими, и вопросом «как они возникли?» не задается⁴.

Так или иначе, те же самые причины не позволяют нам включить в число разработчиков нашей темы и всех названных выше выдающихся ученых. Все они полагали перед собой совершенно другой предмет исследования, пусть зачастую и обозначаемый теми же самыми словами.

Во втором списке мы обнаруживаем одну единственную работу – «философско-естественнонаучный трактат» (так определил свой труд автор) «О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии)» Б. Ф. Поршнева. Именно в этой книге, опубликованной посмертно в 1974 г. со значительными сокращениями в издательстве «Мысль» и переизданной в полном виде издательством «Алетейя» лишь в 2007 г., – благодаря, прежде всего, усилиям научного редактора Олега Тумаевича Вите (1950–2015), – впервые был предложен ясный, опирающийся на физиологию нервной деятельности, признак, позволяющий фиксировать переход от животного к человеку. Этот признак – формирование и развитие на основе высшей формы

³ Борисковский П.И. Древнейшее прошлое человечества. 2-е изд., пер. и доп. Л.: Наука, 1979. С. 25.

⁴ Лернер А.Е. Начало человеческой истории как объект социально-философского анализа. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1990. / Российская государственная библиотека [Электр. ресурс] URL: <http://dlib.rsl.ru/01000059717> (Дата обращения: 31.05.2016).

торможения центральной нервной системы позвоночных (интердикции) не имеющей аналогов в животном мире формы поведения, внушаемого посредством знаков (суггестии). Переход от интердикции к суггестии и есть переход от животного и стадности к человеку и социальности в собственном смысле слова. Раскрытие этого метаморфоза составляет основную фабулу книги. Сопряженным с данной темой вопросам Поршневу уделял место и в других своих работах. Теоретическое наследие Б. Ф. Поршнева мы полагаем основной идейной предпосылкой нашего исследования.

К сожалению, нам нельзя проигнорировать еще одного «предшественника». Сегодня многие впервые узнают имя Поршнева через широко распространяемые в интернете работы российского писателя, почетного члена Славянской Общины Санкт-Петербурга, «профессора» так называемой Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры, ныне уже покойного, Бориса Андреевича Диденко (1943–2014). Неустанно заявляя о себе как «продолжателе дела Поршнева», Диденко создал яркую, но совершенно не научную концепцию человечества как четырех различных биологических видов⁵. И было бы полбеды, если бы такая дискредитация идей Поршнева проводилась исключительно вне стен научных учреждений, но беда в том, что концепция Диденко успела проникнуть в среду людей науки, благодаря, с одной стороны, не слишком вдумчивым преподавателям – составителям учебных курсов, считающим эту концепцию интересной и включающим книги Диденко в списки рекомендованной для студентов литературы, а с другой – осознающим очевидную порочность концепции Диденко ученым, сходу отмечающим ее вместе с идеями Поршнева⁶.

Покойный О. Т. Вите проанализировал концепцию Диденко, указав на ее абсолютную научную несостоятельность, а равно необоснованность ее претензий связать себя с именем Поршнева. Свои выводы он изложил в виде тезисов, изначально предназначавшихся для личного письма, позже опубликованных на странице посвященного Б. Ф. Поршневу сообщества в социальной сети «ВКонтакте»⁷. Поскольку в научных изданиях тезисы ранее не публиковались, а их общий объем невелик, мы считаем возможным воспроизвести их в Приложении.

Однако, несмотря на крайне критическое отношение к концепции Диденко, мы не можем обойти один положительный аспект, объясняющий, как нам кажется, ее нездоровую популярность. А именно, она впервые обращает внимание на *этический* потенциал идей Поршнева. К сожалению, Диденко сумел направить этот потенциал по противоположному руслу: обоснование единства человечества он превратил в «теорию» биологического противостояния, представившую псевдонаучную базу широкому спектру ксенофобских идей в расистском и традиционалистскофашистском духе. Парадоксальным образом значительная часть вины в таком извращении поршневских идей ложится на научное сообщество – людей, призванных находиться на острие прогресса: игнорирование академической наукой теоретического наследия Поршнева в сфере антропосоциогенеза привело к тому, что оно оказалось отдано на откуп шарлатанам.

В первом приближении можно сказать, что объектом нашего исследования является человек как таковой, т. е. *социальное существо*. Мы придерживаемся точки зрения, что антропогенез неотделим от социогенеза. Однако, в связи со специальной целью исследования, в цен-

⁵ Диденко Б. А. Сумма антропологии. Кардинальная типология людей. М. 1992; *Он же*. Цивилизация каннибалов. Человечество как оно есть. М.: Издательство МП Китеж, 1996; *Он же*. Хищная власть. Зоопсихология сильных мира сего. М.: Издательство ТОО Поматур, 1997; *Он же*. Хищная любовь. Сексуальность нелюдей. М.: Издательство ТОО Поматур, 1998; *Он же*. Хищное творчество. Этические отношения искусства к действительности. М.: ФЭРИ-В, 2000; *Он же*. Этическая антропология. Видизм. Новая концепция антропогенеза. М.: ФЭРИ-В, 2003; и др.

⁶ Артемова О. Ю. Десять лет «первобытности» в постсоветской России // Этнографическое обозрение. – 2008, № 2. С. 146–147.

⁷ Вите О. Т. Диденко и его концепция человечества как 4-х различных биологических видов [Тезисы] // Борис Федорович Поршневу. Обсуждения. Поршневу и Диденко [Электр. ресурс] URL: https://vk.com/topic-11107987_27465565 (Дата обращения: 20.08.2016).

тре нашего внимания оказывается прежде всего человек *первобытный* – в узком понимании термина «первобытность». Интересующая нас первобытность – не начальный этап в развитии человечества, занявший громадную часть времени существования нашего вида и сменившийся несколько тысяч лет назад цивилизацией, а *первичное социальное качество* человека, активированное в момент его появления, то есть само *социальное* – в том виде, каком оно существовало, оторвавшись от *биологического*.

Как следует из названия работы, предметом исследования является начало человеческой истории, которое мы понимаем как *однократное* событие – не первый этап, а некую «точку ноль», границу *между* этапами – «минус первым» этапом, на котором социального существа еще не было, и собственно первым этапом развития человеческой социальности.

Такой подход вовсе не исключает определенной протяженности во времени нашего предмета: момент перехода тоже имеет свои начало и конец. Не подразумевает он и изолированности предмета от событийного ряда предшествующего и последующего этапов. Однако такой подход позволяет нам сосредоточиться на моменте качественного перехода, на возникновении в самой природе нового – негативного для нее – социального качества.

Это качество не остается неизменным: оно непрерывно трансформируется на всем протяжении человеческой истории. Так, развитие первого этапа социальности привело к своему отрицанию, выразившемуся в появлении цивилизации. Однако первобытность в узком понимании при этом не исчезла, хотя и исчезла первобытность в широком смысле, т. е. первобытное общество. Первичное социальное качество сохраняется на этапе развития цивилизации как отрицательный полюс ее развития, как концентрированное выражение того, от чего цивилизация пытается уйти как можно дальше, приближаясь тем самым к новому переходу, который снимет заложенное в социальной природе человека противоречие между навязывающим индивиду суггестивное поведение социумом и контрсуггестией его индивидуальной личности.

Целью всего исследования является получение логически непротиворечивого определения социальности. Для этого нам придется отыскать и подвергнуть социально-философскому анализу «точку ноль» в развитии человечества, момент рождения того нового, неизвестного природе качества, отталкивание от которого способно обеспечить социальной истории ее поступательное развитие. При этом нам будет недостаточно ограничиться констатацией появления этого нового качества, тем более что в таком абстрактном виде это качество, благодаря Поршневу, нам уже известно, это – суггестия. Наша цель необходимо включает в себя наглядную реконструкцию момента начала. А поскольку проявления первобытной суггестии могли быть разнообразны, постольку это будет целая серия примеров такой реконструкции.

На пути к поставленной цели нам предстоит решить ряд задач, различных по своей специфике.

1. Прежде всего, от нас потребуются теоретически подробно (более подробно, чем это возможно сделать во Введении) обосновать научную правомерность нашего подхода к теме. Для этого мы должны будем рассмотреть историю вопроса о начале человеческой истории, причем сделать это с трех различных точек зрения: а) методологической – отражающей процесс вызревания методологии, применимой для достижения нашей цели; б) естественнонаучной – отражающей нарастание готовности естественных наук предоставить нам годный материал для наших реконструкций; в) с точки зрения современных тенденций в социальной философии, делающих решение вопроса о начале человеческой истории насущно необходимым для ее собственного развития и развития науки в целом. Этой большой, хотя и всецело предварительной задаче мы посвятим полностью первую часть нашего исследования.

2. Далее, во второй части, прежде чем приступить к решению задач, непосредственно приближающих нас к заявленной цели, нам потребуются решить еще одну – сопутствующую – предварительную задачу. А именно, нам нужно будет разобраться с некоторыми особенно-

стями понятийного и терминологического аппарата палеопсихологии Поршнева, который нам необходимо будет принять для решения наших задач.

3. Затем, уже непосредственно для продвижения к намеченной цели, нам предстоит собрать и представить примеры интердикции в животном мире. Нам придется провести частичный анализ этого явления, чтобы раскрыть его общую тенденцию в эволюции видов.

4. Также мы должны будем уделить достаточно внимания интердикции у человека, сохраняющейся в качестве подосновы человеческой психики, и выявить ее существенное отличие от проявлений интердикции у животных.

5. Нам необходимо будет подвергнуть критическому анализу оригинальную антропогенетическую теорию С. Н. Давиденкова (1880–1961) – отечественного генетика и невропатолога, основоположника клинической нейрогенетики, объяснение ритуала которого с точки зрения невропатологии мы предполагаем взять на вооружение. Ритуал мы предполагаем как первую форму социальности.

6. Следующей нашей задачей станет фиксация основных особенностей трудовой деятельности первобытного человечества. Мы приведем новые аргументы в пользу теории «инстинктивного труда» в начале человеческой истории.

7. Наконец, опираясь на полученные в ходе решения этих задач результаты, мы представим серию эскизов реконструкции качественного скачка, т. е. перехода от интердикции к суггестии, от компенсаторной функции поведения к знаковой, от аутоstimуляции к ритуалу, от биологического к социальному, от животного к человеку.

Как уже было сказано, в своих теоретических построениях мы опираемся на идеи Б. Ф. Поршнева, которые нам вместе с тем предстоит развить и дополнить. В приложении новейших (либо забытых, но вновь введенных в оборот за последнее время) данных к теории Поршнева для решения насущных вопросов социальной философии состоит научная новизна нашей работы.

Никто до нас еще не рассматривал историю вопроса о начале человеческой истории: простое перечисление имен ученых, употреблявших это словосочетание, причем в другом смысле, очевидно нельзя считать таким рассмотрением. Никто не исследовал понятие интердикции, разработанное Поршневым для обозначения нейрофизиологического явления, лежащего в основе перехода от первой сигнальной системы (рефлексов) ко второй (речи), и тем более не связывал это явление с онтогносеологией (идеальным свойством познаваемости материального мира). Никто не рассматривал полузабытую антропогенетическую теорию классика отечественной нейрогенетики С. Н. Давиденкова с точки зрения палеопсихологии. Никто не анализировал понятия «труд» в древнейших литературных памятниках, таких как «Ригведа». Наконец, до сих пор никто не предпринимал попыток наглядной реконструкции качественного скачка от животного и органической жизни к человеку и социальности. По всем этим пунктам наша работа несомненно имеет научный приоритет.

Ключевой идеей, позволяющей нам реконструировать момент перехода и заметно развить теорию Поршнева, является идея об изменении модальности среднего звена в метаморфозе интердикции в суггестию. Для его обозначения мы позволим себе ввести новый термин – «контринтердикция» (по аналогии с «контрсуггестией») взамен неудобного при частом использовании поршневского «интердикция интердикции» и малопонятного его же «интердикция II». Распутав противоречия антропогенетической теории Давиденкова, мы предполагаем сохранить ее ценное ядро, и таким образом воссоздать невропатологическую теорию происхождения ритуала, связав ее с палеопсихологией Поршнева. Затем, привлекая новейшие данные интонологии, мы хотим уточнить механизм происхождения первого слова, возвещающего о рождении речи как основы, на которой, по нашему мнению, только стало возможно развитие социальности.

Поршневу подчеркивал, что задача его «философско-естественнонаучного трактата» заключалась «только в том, чтобы по возможности прочнее, чем делалось до сих пор, поставить ногу на порог»⁸. Эту задачу, как мы считаем, он выполнил с честью. Со своей стороны мы не претендуем на то, чтобы переступить порог, но, по крайней мере, заглянуть за него и оценить ближайшую перспективу считаем себя вправе. В случае успеха мы получим не только более разработанную социально-философскую систему, но и фактически развернутую программу мультидисциплинарных исследований основы человеческой социальности, психики и речи, которые в свою очередь могут внести существенный вклад в различные аспекты гуманитарного знания – от методологии исторической науки и психологии до насущных вопросов этики и правоприменения. В частности, на основе дальнейшей разработки идеи контринтердикции могли бы быть созданы модели некоторых типов антисоциального поведения.

Методологической основой исследования служит историзм, который для нас неразрывно связан с диалектическим методом (развитие через отрицание). Вспомогательными методами нам послужат мультидисциплинарный анализ (будут привлечены и синтезированы данные антропологии, археологии, зоологии, физиологии высшей нервной деятельности, психологии, филологии, других наук) и – на завершающем этапе исследования – метод реконструкции.

⁸ Поршневу Б.Ф. Там же, с. 421.

Часть первая

Время Поршнева. История вопроса о начале человеческой истории

«Задача возникает одновременно со средствами ее разрешения»⁹, и неслучайно вопрос о начале человеческой истории в науке был поставлен лишь во второй половине XX века. Вплоть до этого времени всякие упоминания о начале человеческой истории находились на противоположном от науки полюсе познания. «Люди с самого начала...» – и далее шла сентенция, которую сама ее конструкция оберегала от критического анализа, предлагая брать на веру. Возникла ситуация, при которой представление о начале человеческой истории превратилось в «своего рода водосброс, место стока для самых некритических ходячих идей и обыденных предрассудков по поводу социологии и истории»¹⁰. На сегодня, однако, предпосылки для изменения этой ситуации в целом созрели, и только привычки мышления, известная косность «идеологии», мешают ей измениться достаточно быстро.

Сразу же оговорим, что мы не считаем возможным отделить друг от друга антропогенез и социогенез – проблему происхождения человека от проблемы происхождения человечества. На наш взгляд, это не две, а одна проблема – проблема перехода от животного, не обладающего социальностью, – во всяком случае, в том смысле, в котором ею обладает человек, – к человеку как социальному существу.

«Социальное нельзя свести к биологическому. Социальное не из чего вывести, как из биологического»¹¹. Научная история вопроса о начале человеческой истории начинается с того момента, как было сформулировано это утверждение. Но, чтобы его сформулировать, нужно было, как минимум, заранее иметь ясное представление о различных формах движения материи, а это одно уже значит, что у интересующего нас вопроса имеется долгая философская и научная предыстория, предопределившая постановку вопроса.

Еще основоположник новоевропейского рационализма Рене Декарт определил основным критерием, отличающим человека от животного, осмысленную речь, которая присуща человеку и которой лишены животные. «Это свидетельствует не только о том, что животные менее одарены разумом, чем люди, но и о том, что они вовсе его не имеют»¹², – писал Декарт. Таким образом, вопрос о начале человеческой истории был заложен уже в самом основании европейского рационального мышления, и на первый взгляд может показаться странным, что в течение более трехсот лет его научная постановка откладывалась. Проблемой стало то, что Декарт связал речь, как главный критерий отличия человека от животного, с *дуализмом* души и тела – «мыслящей» и «протяженной» субстанциями, между которыми – пропасть. Таким образом дальнейшее развитие естественно стремящегося к монизму рационального мышления оказалось направлено на отрицание этого критерия. К сожалению, как это часто бывает, вместе с водой выплеснули ребенка: вместе с отрицанием дуализма души и тела отрицали качественное отличие человека от животного. В этом главная причина того, что для многих поколений естествоиспытателей штурм декартовой пропасти был безуспешен. Вместо того чтобы решать

⁹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Книга I: Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23. – М., 1960. С. 98.

¹⁰ Поршнев Б.Ф. Там же, с. 28.

¹¹ Там же, с. 13.

¹² Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Декарт Р. Сочинения в 2-х томах. Т. 1 (Филос. наследие; т. 106). – М., 1989. С. 284.

проблему, как из одного качества рождается другое, искали (а многие до сих пор ищут) качества, общие для животного и человека, развитие которых превратило бы первого во второго.

Долгое время замену критерию речи искали в морфологии и анатомии. В сравнительной анатомии искал ключ к загадке человека Иоганн Готфрид Гердер, и ему казалось, что он нашел его в *прямохождении*. Гердер был уверен, что человеческий разум – следствие вертикального положения тела¹³. И до сих пор находятся специалисты, которые указывают на прямохождение как главный отличительный признак человека, но преодолеть декартову пропасть это не помогает.

Что, однако, не означает, что преодолеть ее невозможно. Значительный вклад в дело ее преодоления внес советский психолог Лев Семенович Выготский, который, в значительной части опираясь на исследования французского психолога Жана Пиаже и их же критикуя, положил начало некогда очень плодотворному течению в психологии, утверждавшему центральное место речи в формировании и функционировании человеческой психики. «Мысль не выражается, но совершается в слове»¹⁴, – эти слова, опубликованные в 1934 г., как потом оказалось, содержали в себе программу исследований советской психологической науки на долгие годы.

«Нужно было много лет, – начиная с исследований самого Л. С. Выготского, опытов А. Н. Леонтьева по развитию сложных форм памяти, исследований А. Р. Лурия и А. В. Запорожца по формированию произвольных движений и речевой регуляции действий и кончая теоретически прозрачными работами П. Я. Гальперина и Д. Б. Эльконина, – чтобы учение о формировании высших психических функций и формах управления ими, составляющие сердцевину советской психологии, приняло свои достаточно очерченные формы»¹⁵.

Однако большинство современных психологов, – из идеологических, предположительно, соображений, – находят возможным игнорировать или замалчивать результаты этих исследований и их теоретические выводы. Хорошей иллюстрацией может служить опубликованная в России несколько лет назад книга американского психолога Майкла Томаселло, который в специально написанном к русскому изданию предисловии утверждает, что «заимствовал у Выготского основополагающую гипотезу»¹⁶, но при этом исходит из совершенно противоположной гипотезы: у Томаселло мысль именно выражается, а не совершается в слове. Сам Томаселло под «основополагающей гипотезой» Выготского подразумевал здесь концепцию *интериоризации* – примата социального над индивидуальным в процессе становления человеческой психики, но можно сомневаться, что и эта гипотеза была понята им до конца, так как именно из нее для Выготского и следовал примат речи над мышлением. При этом высказанные в книге Томаселло идеи об уникальности некоторых человеческих свойств могут представлять для нас несомненный интерес, перекликаясь с идеями Поршнева и отсылая к теории суггестии и интердикции, но, к сожалению, автору не удалось развить их в полной мере из-за контрпродуктивности принятой по умолчанию начальной посылки.

Но вернемся к философии. Средневековая традиция предписывала взгляд на историю человечества через призму «священной истории», соответственно, начиная ее развитие с «грехопадения». Рациональное мышление Нового времени уже не могло принимать эту традицию

¹³ См.: Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М., 1977. С. 77–80.

¹⁴ Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: «АСТ», 2008, с. 426.

¹⁵ Лурия А.Р. Теория развития высших психических функций в советской психологии // Вопросы философии. М., 1966, № 7, с. 76. Здесь также, справедливости ради, хочется упомянуть, что уже через год после выхода «Мышления и речи» Л. С. Выготского, в 1935 году, вышла в свет книга П. П. Блонского, посвященная исследованию памяти, в которой он, независимо от Выготского, высказал во многом созвучные мысли. (См.: Блонский П.П. Память и мышление. СПб: «Питер», 2001).

¹⁶ Томаселло М. Истоки человеческого общения. М.: «Языки славянских культур», 2011, с. 26.

всерьез, о чем свидетельствует статья Иммануила Канта «Предполагаемое начало человеческой истории»¹⁷ (1786). Кант анализирует библейский сюжет в полушутливом тоне, но шутит не без претензии на долю правды. В истории «грехопадения» он видит аллегория перехода человека от дикости, подчиняющейся «божественному» *инстинкту*, к свободе, которую отныне, на протяжении истории, человеку предстояло развивать, привыкая жить в обществе.

Несмотря на религиозную форму, а отчасти и благодаря ей, Кант подошел к вопросу о начале человеческой истории ближе, чем Гегель, для которого история человечества начинается с возникновения государства, а все, что ранее – «доистория», о которой достоверно ничего неизвестно. В философии истории Гегеля вопрос о начале человеческой истории фактически обойден, а то, что сам Гегель называет началом истории, относится к ранним государствам Востока¹⁸.

Однако постепенно в науке накапливались факты, которые можно было связать с «доисторией». Во-первых, это – археологические артефакты, во-вторых – наблюдения этнографов за племенами, не покинувшими стадии дикости. Если сведения Гегеля о «неграх» и прочих «туземцах» обрывочны и нелепы, то уже во второй половине XIX века сдвинулась с места лавина этнографических знаний, продолжавшаяся весь XX век. Правда, вместе с этим возникла существенная проблема для понимания начала человеческой истории, которую Поршнев называл «проблема этнографических параллелей»¹⁹. Заключается она в том, что археологи бывают излишне склонны использовать почерпнутые из этнографии аналогии.

«Между тем этнографические аналогии могут быть и бывают иллюзорны. Нет на земле племени или народа, на самом деле и безоговорочно принадлежащего к древнейшей первобытности. Весь род человеческий произошел в одно и то же время, все живущие племена и народы имеют одинаковый возраст, у каждого человека в общем столько же поколений предков, как и у любого другого. Не было и нет также полной изоляции, чтобы, в то время как одни народы двигались своими историческими дорогами, другие пребывали в полном историческом анабиозе. Ошибочно даже само представление, будто в первобытной древности существовали вот такие же, как и сейчас, относительно обособленные племена на ограниченных территориях, в известной мере безразличные к соседям, к человечеству как целому. Иными словами, даже самые дикие племена – не обломок доистории, а побочный плод и продукт истории. Стоит изучить их языки, чтобы убедиться в том, какой невероятно сложный и долгий путь лежит за плечами этих, повторим, столь же древних, как и мы, людей»²⁰.

Если к достижениям психологии, археологии, этнографии добавить некоторые достижения культурной антропологии, лингвистики, социологии, семиотики, истории, то мы получим список гуманитарных наук, сведения из которых могли бы составить первичную базу данных для поисков в ней ответа на вопрос о начале человеческой истории. Ответ этот способен повлиять на весь комплекс наук о человеке и человеческом обществе, «вся совокупность гуманитарных наук имплицитно несет в себе это понятие начала человеческой истории»²¹. Неслучайно

¹⁷ Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории. // Кант И. Сочинения. В 8-ми томах. Т. 8. М.: «Чоро», 1994, с. 72–88.

¹⁸ См.: Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: «Наука», 1993, с. 155.

¹⁹ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории // Философские проблемы исторической науки. М., 1969, с. 95.

²⁰ Там же, с. 96.

²¹ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). С. 28.

Поршневу рассматривал свою книгу «О начале человеческой истории» в связи с перспективой «синтезировать комплексную науку о человеке, о людях»²².

Но не только гуманитарные знания сыграли роль для научной постановки вопроса о начале человеческой истории. Поскольку само существо вопроса – прохождение грани между животным и человеком, биологическим и социальным, она была бы невысказана без достижений естественных наук. Решающим здесь был прорыв в физиологии высшей нервной деятельности, который связан с именами наших соотечественников: Ивана Михайловича Сеченова, Николая Евгеньевича Введенского, Ивана Петровича Павлова, Алексея Алексеевича Ухтомского, разработавшими введенное Декартом «понятие рефлекса, как основного акта нервной системы»²³. Из числа иностранцев в этот список необходимо включить Чарльза Шеррингтона. Важны также оказались достижения в общей биологии, зоологии, этологии, экологии, палеонтологии. А если начинать говорить уже не о постановке, а о возможностях решения вопроса, то естественные науки и вовсе выходят на первый план.

Однако, кроме средств, для научной постановки и решения вопроса крайне важен метод. И тут мы снова возвращаемся к гуманитарному знанию, потому что метод, позволяющий адекватно обращаться с таким своеобразным предметом, как начало человеческой истории, не может сам не опираться на главный, основополагающий принцип философии истории – *историзм*. Вне общей идеи всемирно-исторического развития вопрос о начале истории возникнуть не мог, он попросту не имел бы смысла. И поэтому вопрос о начале человеческой истории не мог быть научно поставлен раньше, чем появился марксизм, в котором принцип историзма окреп и достиг своей зрелости. Только с появлением марксизма идея всемирно-исторического развития, включающая в себя развитие самого человека, приобрела собственную научную основу.

Итак, история вопроса о начале человеческой истории – большей частью история становления средств и методов его разрешения. Показать, как проходило это становление, и является сейчас нашей задачей.

Следует заметить, что мы считаем полезным рассмотрение проблем в порядке, обратном тому, как они были перечислены. А именно, в первой главе мы рассмотрим историю вопроса с точки зрения становления метода, позволяющего видеть в вопросе о начале человеческой истории актуальную научную проблему. Во второй главе мы проанализируем естественнонаучный фундамент, на котором становится возможным искать ответ на вопрос. Наконец, в третьей главе мы попытаемся осветить проблему начала человеческой истории в связи с назревшей, на наш (также как и многих других исследователей) взгляд, необходимостью синтеза гуманитарного знания.

²² Там же, с. 14.

²³ Павлов И.П. Лекции о работе больших полушарий головного мозга. Л., 1949, с. 20.

Глава 1

Историзм и антиисторизм в науках о человеке

Историзм, как философско-исторический метод постижения мира и его явлений в динамике непрерывного развития, начал свое утверждение в гуманитарном знании в Новое время. В 1725 году в Италии вышла в свет книга профессора Неаполитанского университета Джамбаттисты Вико «Основания Новой науки об общей природе наций»²⁴. Написанная сложным витиеватым языком, причем не на латыни, как это было принято в то время, а на родном неаполитанском диалекте, – автор, несомненно, хотел быть ближе своему народу, – книга представляла трудность как для читателей, так и для переводчиков, и, тем не менее, она сразу была раскуплена и вызвала оживленную полемику. Острый интерес читающей публики сделал имя ее автора известным всему ученому миру Европы. И хотя книга интересна сама по себе и не лишена гениальных прозрений, такой общественный резонанс должен свидетельствовать прежде всего о другом: зерно упало в подготовленную почву. Стремительно меняющееся в своем основании общество ждало подобных идей. При том что автор книги жестко критиковал не только старый феодальный порядок, но и идущий ему на смену буржуазный, ее историзм был востребован восходящей на историческую сцену буржуазией. Следует признать, что особая потребность в историческом методе возникает в обществе именно в революционные эпохи и именно у идеологов восходящих классов.

«Развитие сознания определяется тем, насколько оно способно быть собственным предметом – не только предметом для психологических наблюдений извне. Сознание как автоматическая реакция живого организма, вздох угнетенной твари, не совпадает с сознательностью – ясной картиной окружающего мира и своего собственного положения в нем»²⁵, – писал Михаил Александрович Лифшиц в своей посвященной Вико работе, прочно связывая самосознание с историзмом – «исторической теорией познания». – «Что же такое историческая теория познания? Это и есть та *новая наука*, которую предсказывал в начале XVIII столетия Джамбаттиста Вико»²⁶.

Правда, в конце статьи Лифшиц не мог не отметить, что книге Вико «не хватает сознательного элемента»²⁷, но все же такое минорное окончание его не удовлетворило, и позже он написал дополнение к статье, в котором еще раз особо отметил идею прогресса, как одну из основополагающих идей «Новой науки». Причем, он отметил, что у Вико эта идея порой выражена даже четче и последовательней, чем у просветителей XVIII века, в воззрениях которых находила себе место если и не идея о потерянном рае, то все же представление о некоем навсегда утраченном «естественном состоянии» человека в глубокой древности. Их ожидаемый в будущем «золотой век» одновременно противоположен «естественному состоянию». В этом вопросе религиозный Вико отличается от страстных критиков религии философов-просветителей в лучшую сторону тем, что не обнаруживает никаких следов тоски по райским кушам. В своем «поступательном движении» нации по Вико «в постоянном и никогда не нарушаемом порядке причин и следствий всегда проходят через три вида Природы», из которых только третья природа – «Человеческая» – характеризуется как «разумная», то есть естественная для

²⁴ Вико Дж. Основания Новой науки об общей природе наций. М.—К.: «REFL-book»– «ИСА», 1994.

²⁵ Лифшиц М.А. Джамбаттиста Вико // Лифшиц М.А. Собр. соч. в 3-х томах. Т. 2. М., 1986, с. 4. Ср.: «Самое трудное – это осознание сознания» (Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979, с. 203).

²⁶ Там же, с. 6.

²⁷ Там же, с. 28.

человека, в то время как первые две – «Божественная» и «Героическая» – представляют собой формы безумия²⁸.

«Естественное состояние не позади, а впереди нас, оно не является даром природы, а достигается в процессе мучительного исторического развития»²⁹.

«Новая наука» Вико актуальна и сегодня, ведь историзм пока не одержал окончательной победы, и даже напротив: весь XX век мы переживали широкое наступление антиисторизма, последствия которого не преодолены до сих пор. Но у нас бы, конечно, не было шансов их преодолеть, если бы развитие «исторической теории познания» остановилось на этой книге.

Главным врагом своей философии Вико видел рационализм в его классической декартовской форме. В этом можно видеть проявление той раздвоенности развития общественной мысли, на которую указывал Маркс в первом тезисе о Фейербахе³⁰. Развитие способности сознания «быть собственным предметом» шло по пути идеализма – вместе с развитием диалектики. Поскольку нас историзм интересует в связи со становлением вопроса о начале человеческой истории, постольку нет нужды рассматривать развитие этой категории в полном объеме на всех этапах. Для нас важно не просто распространение идеи прогресса на субъективную жизнь человека, его сознание, но и еще кое-что. А именно, нам нельзя забывать: начало – это всегда какой-то конец. «Постепенно», «шаг за шагом» декартову пропасть не преодолеешь. Поэтому нам интересен только такой историзм, который, кроме идеи прогресса, включает в себя идею *качественного скачка*.

Тем не менее, связав популяризацию историзма с идеологией восходящего класса, мы не можем не сказать несколько слов о его развитии в «классической стране революций» – Франции. Здесь первым последовательно изложил теорию прогресса аббат Сен-Пьер в своей книге «Замечания о непрерывном прогрессе всеобщего разума» (1737). После нее были еще «Рассуждения о последовательном прогрессе человеческого разума» Тюрго (1750). И наконец, под влиянием революционных событий конца XVIII века Жан Антуан Кондорсе, сам принимавший в них непосредственное участие, увенчал этот ряд блистательным «Эскизом исторической картины прогресса человеческого разума» (1794)³¹. Однако же, все эти теории рассматривали прогресс прямолинейно, как постепенный рост цивилизации. Даже Кондорсе – революционный практик в общественной жизни – в теории общества был «эволюционистом». По сравнению с путанной и громоздкой, но включавшей идею «возвращения» теорией прогресса Вико, это был шаг назад.

Подлинное развитие историзм получил в классической немецкой философии, начиная уже с И. Г. Гердера, в философии истории которого можно найти много параллелей с Вико. Правда, если Вико по стилю и содержанию больше напоминает писателей Возрождения, то здесь перед нами чистой воды романтизм. Но зато мы находим у Гердера то же самое уподобление всего социального организма человечества одному человеку, переживающему детство, зрелость и старость; то же самое сочетание идей прогресса и цикличности; и, наконец, как и у Вико, обретение человеком собственного естества, «человечности», у Гердера – итог исторического развития, а не его предпосылка³². Гердер видит историю человечества в контексте естественной истории Солнечной системы. «Животные – старшие братья людей»³³. Прогресс свойствен не только обществу, но и развитию живых существ в целом, и в этом смысле человек

²⁸ Вико Дж. Основания новой науки... С. 377–379.

²⁹ Лифшиц М.А. Дополнение к статье «Джамбаттиста Вико» // Лифшиц М.А. Т. 2, с. 49.

³⁰ См.: Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Т. 3, с. 1.

³¹ Кондорсе Ж. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. Изд. 2-е, испр. М.: «УРСС»– «Либроком», 2011.

³² Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. С. 107, 131–134.

³³ Там же, с. 45.

завершает развитие животного мира. Ключ к разгадке человека, как уже было сказано, Гердер видел в прямохождении. Интересно, однако, что среди важнейших особенностей человека Гердер называет не только речь, культуру и сопутствующие ей признаки, но и убийство себе подобных, а прогресс в развитии человечества связывает с уменьшением в обществе насилия и увеличением миролюбия. Подобные идеи мы встретим у Поршнева.

Кант посвятил началу человеческой истории отдельную статью, которую мы выше также уже упомянули, «Предполагаемое начало человеческой истории» (1786). История человечества у него начинается с того, что «человек обнаруживает в себе способность избирать образ жизни по своему усмотрению и не придерживаться, подобно другим животным, раз и навсегда установленного порядка»³⁴. Обнаруженная таким образом свобода противостоит инстинктивному, установленному Богом, порядку и поэтому однозначно является злом для человека как индивидуума, т. е. для его тела. Но столь же однозначно она является благом для человеческого рода, раскрывая глубокий божественный замысел: пробудившийся разум открывает людям друг друга (а вместе с тем и скрытый в них божественный образ) и ведет человечество по пути общественного прогресса.

Итак, нам важно еще раз подчеркнуть: в начале истории мы находим у Канта противопоставление социальной природы инстинкту и оставление человеком инстинкта. Выбранная свобода является имманентной интенцией духа – несущей зло для телесного индивидуума, но именно поэтому не оставляющей ему ничего другого, кроме развития по пути этой свободы. Заметим, что такое развитие у Канта вовсе не означает беспредельного расширения свободы, наоборот, установление и развитие общественных связей требует от человечества самоограничения, придания свободе форм, соответствующих интересам человечества, нахождения ее пределов. Таким образом развитие идеалистически понимаемой свободы у Канта оказывается связано с государством, правом, семьей, собственностью и другими институтами классового общества.

Для целей этой работы нет необходимости останавливаться на оригинальных системах Фихте и Шеллинга, которые в том, что касается нашей темы, носят промежуточный, переходный характер. Подлинной вершины развития, которой только могло достигнуть понятие историзма в спекулятивной философии, оно достигло в философии истории Гегеля.

«Гегелевская схема всемирной истории впервые представила ее как динамическое эшелонированное целое с качественными переломами и взаимным отрицанием эпох, с перемещениями центра всемирной истории из одних стран в другие, но с единым вектором совокупного движения»³⁵.

Вместе это представляло собой положительный итог развития историзма в спекулятивной философии. Чтобы стать подлинно научным методом, ему теперь не хватало лишь твердой опоры под ногами.

Всемирная история по Гегелю – это отчужденный от самого себя «мировой дух», который самореализуется в поступках исторических личностей, все полнее сознавая в них свою субъективную свободу и возвращаясь таким образом к самому себе. Содержанием всемирно-исторического процесса, таким образом, Гегель видел прогресс в сознании свободы. Началом человеческой истории по Гегелю, следовательно, является самоотчуждение «мирового духа», которое совпадает с образованием государства. До этого шага человечество пребывает в состоянии полнейшей несвободы и несправедливости, характеризующем доисторические народы. И хотя к доистории Гегель относит и такие важные вещи как «распространение языка и формирование племен», появление грамматики (и тем самым мышления), религии и многого другого, «созна-

³⁴ Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории. С. 75.

³⁵ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). С. 22.

ние внешнего наличного бытия», связанное с законотворчеством и способностью к абстрактным определениям, и «самосознательная жизнь» появляются только с возникновением государства³⁶.

С этого момента прогресс воплощается в смене государственно-правовых основ общества.

«Всемирная история есть дисциплинирование необузданной естественной воли и возвышение ее до всеобщности и до субъективной свободы. Восток знал и знает только, что *один* свободен, греческий и римский мир знает, что *некоторые* свободны, германский мир знает, что *все* свободны. Итак, первая форма, которую мы видим во всемирной истории, есть *деспотизм*, вторая – *демократия* и *аристократия*, третья – *монархия*»³⁷.

Французская революция, за которой Гегель признает всемирно-историческое значение, начинает эпоху подлинной свободы.

«Мысли, понятию права, *сразу* было придано действительное значение, и ветхие подмостки, на которых держалась несправедливость, не могли устоять. Итак, с мыслью о праве теперь была выработана конституция, и отныне все должно было основываться на ней. С тех пор как солнце находится на небе и планеты обращаются вокруг него, не было видно, чтобы человек стал на голову, т. е. опирался на свои мысли и строил действительность соответственно им. Анаксагор впервые сказал, что *νοῦς* (ум) управляет миром, но лишь теперь человек признал, что мысль должна управлять духовной действительностью. Таким образом, это был великолепный восход солнца»³⁸.

Прежняя история закончилась: «мировой дух» полностью осознал свою свободу и реализовался в социальной, государственно-правовой действительности. «Новый дух» новой эпохи направляет человечество на пути к новой, теперь уже чисто философской, цели – познанию самого себя в качестве духа.

Как мы могли увидеть, система Гегеля во многом перекликается с историческим идеализмом Канта, в некотором смысле можно даже сказать, что это – логически усовершенствованная система Канта. Усовершенствование заключается в том, что прогресс свободы утратил плохо стыкующуюся с действительностью абстрактную прямолинейность. Гегель разглядел во всемирной истории восходящий ряд эпох, диалектически связанный и объединяющий человечество в единое целое. Сперва – лишенная всякой свободы доистория, затем – распадающаяся на три этапа эпоха государственного становления свободного духа, и, наконец, эпоха абсолютной свободы, увенчанная идеальным (впрочем, больше все-таки в потенции, чем действительности) государством – прусской монархией. Всего пять эпох, раскладывающихся на две триады, одна из которых вписана внутрь другой. Такое деление не случайно, это не простое перечисление, оно обусловлено «самой логикой периодизации»³⁹. Именно внесением в теорию общественного развития диалектики знаменателен для нас историзм Гегеля.

С этим связано понимание Гегелем исторического единства человечества, которое так же утрачивает прямолинейность и приобретает диалектически противоречивый характер. Так, во Французской революции он различает внутреннюю и внешнюю стороны, из которых вторую Гегель полагает более важной. В самой Франции революция была обречена на чисто практи-

³⁶ Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. С. 155.

³⁷ Там же, с. 147–148.

³⁸ Там же, с. 447.

³⁹ Поршнев Б.Ф. Периодизация всемирно-исторического прогресса у Гегеля и Маркса. Доклад, представленный к Международному Гегелевскому конгрессу (Париж, апрель 1969) // Философские науки. М., 1969. № 2. С. 60.

ческий характер и в конце концов на поражение из-за господства во Франции католицизма. Совсем другое дело – влияние Французской революции на протестантские страны, особенно – Германию. Духовное состояние общества здесь было подготовлено реформацией, и потому именно здесь донесшийся из Франции толчок смог вызвать переворот в сфере теоретической абстракции – тот самый прогресс в сознании свободы, как и воплощение его в государственную действительность.

Гегелевская диалектика всемирно-исторического развития, однако, не была до конца последовательна. Превращение противоположностей мы находим только во внешней, большой триаде. Ее среднее звено – «эпоха перехода из царства несвободы в царство свободы» – также распадается на три этапа, но как?

«Это внутреннее расчленение уже трудно назвать диалектической триадой, ибо оно представляет преимущественно количественный ряд. В восточном мире свободен лишь один: деспот, – остальные пребывают в рабстве; в античном греко-римском мире свободны некоторые; христианский мир знает в принципе, что все свободны, но в средние века этот принцип на деле подавлен варварством и лишь реформация действительно провозглашает и утверждает его. Хотя Гегель полагал, что каждая новая эпоха всемирной истории должна быть представлена как отрицание предыдущей, в действительности в этой шкале момент отрицания выражен слабо. Здесь не нашлось места для всей силы гегелевской диалектики, количество преобладает над качеством, эволюция – над отрицанием»⁴⁰.

Итак, в понимании истории идеализм Гегеля конфликтовал с его диалектикой. Создатели исторического материализма Маркс и Энгельс сохранили гегелевскую идею восходящего ряда эпох, но вывернули ее наизнанку. Государственно-правовое содержание мирового духа стало для них формой, внешней оболочкой, идеологической «надстройкой», а место содержания, «базиса» заняла экономика, способ производства, определяющий элемент которого – отношение трудящихся к средствам своего труда, способ «соединения» их между собой, поскольку на протяжении всей цивилизованной истории они оказываются отчуждены друг от друга.

«Подобно тому как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории: тот, до последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями, простой факт, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств к жизни и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой они поэтому должны быть объяснены, – а не наоборот, как это делалось до сих пор»⁴¹.

Маркс создал историю как полноценную науку, подобно тому как Ньютон создал механику, Менделеев – химию, а Дарвин – биологию: каждый в своей области они связали уже известные элементы динамикой перехода и дополнили их элементом развивающегося целого. Материалистическая точка зрения марксизма прояснила диалектику истории, до того остававшуюся скрытой и лишь смутно, интуитивно улавливаемую Гегелем. Сходство, однако, сохранилось во многом.

⁴⁰ Там же, с. 59.

⁴¹ Энгельс Ф. Похороны Карла Маркса // Маркс К., Энгельс Ф. Т. 19, с. 350–351.

Прежде всего, была сохранена основная мысль: прогресс человеческой истории – это прогресс свободы. Правда, субъектом свободы выступал теперь не дух, а человек – из мяса, костей и нервов. Первобытная формация, так же как и у Гегеля, представляет собой царство абсолютной несвободы, а переход к коммунизму – «скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»⁴². Три промежуточные между ними «прогрессивные эпохи экономической общественной формации»⁴³ имеют своим историческим содержанием накопление предпосылок для такого скачка. Только с началом коммунизма начинается подлинная история человечества, история же разделенного в себе человечества представлена как «предыстория»⁴⁴.

Особо подчеркнем здесь представление о первобытности: отсутствие частной собственности и эксплуатации, классов и государства для основоположников исторического материализма вовсе не означало, что человек доисторической (в гегелевском смысле) эпохи хоть в малейшей степени был властен над вещами и своими действиями. И Маркс и Энгельс высказывались на этот счет вполне однозначно. «Отдельный индивидуум еще столь же крепко привязан пуповиной к роду или общине, как отдельная пчела к пчелиному улью», – пишет Маркс в «Капитале»⁴⁵. «Племя, род и их учреждения были священны и неприкосновенны, были той данной от природы высшей властью, которой отдельная личность оставалась безусловно подчиненной в своих чувствах, мыслях и поступках. Как ни импозантно выглядят в наших глазах люди этой эпохи, они неотличимы друг от друга...», – развивает эту мысль Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»⁴⁶.

Итак, в первобытном бесклассовом обществе человек был еще более несвободен, чем в сменившем его классовом, ибо если в человечестве, разделенном на классы, есть место индивидуальной личности, и членом класса каждый осознает или не осознает себя сам, то в человечестве, разделенном на роды или общины, места для индивидуальной личности не было: каждый знал и мог знать только то, что знали все. Много позже Люсьен Леви-Брюль опишет это как «коллективные представления», с которыми связано первобытное «пралогическое мышление»⁴⁷.

* * *

Завершающим моментом формирования идеи историзма в том виде, в каком мы ее находим сегодня, стало понятие *ускорения исторического прогресса*.

Последние десятилетия много писали и говорили об «ускорении исторического времени» и «сингулярности». Любопытно, что эта тема в равной степени привлекла внимание с одной стороны – историков, а с другой – физиков и математиков. Термин «сингулярность» заимствован из астрофизики, и может быть в этой связи литературу по данной теме вскоре, как о ней заговорили, стало можно изучать статистическими методами⁴⁸. В разных работах предлагались

⁴² Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом // Маркс К., Энгельс Ф. Т. 20, с. 295.

⁴³ Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Т. 13, с. 7.

⁴⁴ Там же, с. 8.

⁴⁵ Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Т. 23, с. 346.

⁴⁶ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Т. 21, с. 99.

⁴⁷ См.: Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930.

⁴⁸ Мы перечислим лишь некоторые работы российских авторов: Дьяконов И.М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М., 1994; Капица С.П. Сколько людей жило, живёт и будет жить на земле. Очерк теории роста человечества. М.: Наука, 1999; он же. Об ускорении исторического времени. // Новая и новейшая история. М., 2004, № 6; он же. Демографическая революция и будущее человечества. // В мире науки. М., 2004, № 7; Панов А.Д. Сингулярная точка истории. // Общественные науки и современность. М., 2005, № 1; Сб.: Проблемы периодизации исторических макропроцессов. // История и Математика. Альманах. М.: «КомКнига», 2006, №1; Кортаев А.В., Комарова Н.Л., Халтурина Д.А. Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны. 2-е изд. М.: «УРСС», 2007.

разные причины, вызывающие ускорение, высчитывались разнящиеся коэффициенты, и тем не менее про «закон ускорения исторического времени» слушает лекции и читает в рекомендованных Министерством образования вузовских учебниках уже не одно поколение студентов, и это можно считать надежным свидетельством того, что сам факт ускорения истории сегодня никто не оспаривает⁴⁹.

Было бы слишком мелко для памяти Поршнева пенять всем этим работам замалчивание имени того, кто действительно первым заговорил об «ускорении темпа истории»⁵⁰. Правда, иногда, в связи с идеей «ускорения исторического времени» вспоминают Энгельса, но все же у него в «Диалектике природы» речь шла об истории развития организмов, а не общества⁵¹. Для нас в сложившейся ситуации самое примечательное то, что во всех без исключения работах ускорение истории рассматривается в отрыве от идеи прогресса. На идею исторического прогресса и даже само это словосочетание словно наложено табу. Все эти работы представляют собой позицию отказа от историзма. Помните, мы говорили про Сен-Пьера, Тюрго и Кондорсе, что они сделали шаг назад от историзма Вико, потому что их идеи прогресса не предполагали качественных скачков? Рассуждая о «сингулярности», современные ученые, похоже, совершают обратную, ещё большую ошибку: они допускают качественный скачок без идеи прогресса.

Понятно, что без идеи прогресса (или, на худой конец, регресса) исторический метод невозможен. Если все дело в том, что в истории увеличивается число событий на единицу времени и каждый последующий период истории короче предыдущего, а качественных изменений самого человека не происходит, то это никакой не историзм, и никакой сингулярностью тут ничего не исправить. Но возможно ли представить себе ускорение истории без признания прогресса, хотя бы по умолчанию? Время существует как физическая величина – во-первых, и как философская (а в ее рамках – философско-историческая) категория – во-вторых. За изменением физической величины времени следит Служба времени, ежедневно измеряющая разность между эталонным всемирным временем и атомным временем. Поэтому, когда в 2011 году из-за мощного землетрясения в районе Японских островов земная ось сдвинулась с места и Земля из-за этого стала вращаться на малые доли секунды быстрее, это не осталось незамеченным. Поскольку при любых обстоятельствах в сутках 24 часа, в часе 60 минут, а в минуте 60 секунд, можно сказать, что сами секунды потекли быстрее. Как философская категория, то есть форма последовательной смены явлений и длительность состояний материи, время также может ускориться, по крайней мере, ничто не препятствует выдвиганию гипотезы о таком ускорении. Но чтобы говорить о таком ускорении в отношении истории человечества, не впадая при этом в противоречия, требуется признать историю человечества особой – социальной – *формой движения материи*. А это само по себе означает признать исторический прогресс, поскольку исторический прогресс есть показатель социального движения. Вот почему мы считаем более точным и правильным говорить об ускорении исторического прогресса («темпа истории»), а не малопонятном «ускорении исторического времени».

С другой стороны, пока исторический прогресс рассматривался как более или менее равномерное движение, проблему начала истории можно было не замечать, но признание его ускорения само по себе наводит на мысль о моменте, когда скорость прогресса была нулевой. Таким образом, лишь полностью завершив свое формирование, исторический метод мог стать методологическим основанием для вопроса о начале человеческой истории. И не случайно, анализ понятия начала истории в своей книге Поршнева начинается с обоснования выдвигаемой им теории ускорения исторического прогресса.

⁴⁹ См., напр.: Кравченко А.И. Социология: Общий курс: Учебное пособие для вузов. М.: «ПЕРСЭ»; «Логос», 2002.

⁵⁰ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). С. 23.

⁵¹ Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Т. 20, с. 620.

Глава 2

Естественнонаучное подкрепление вопроса о начале человеческой истории

Среди нового поколения российских ученых, особенно естественников, часто принято третировать философов (или тех, кого они так называют)⁵². На научных форумах в интернете «философ» – иногда почти оскорбление, «философия» – синоним пустой болтовни, никак не соотносящейся с научной практикой; считается хорошим тоном «не влезать в философию». По-видимому, в этом есть вина и самих философов, но вред для науки от такой добровольной ограниченности ученых тем не менее очевиден. Во всяком случае, в вопросе о начале человеческой истории, когда за него берутся антропологи, всё время совершается одна и та же ошибка, источник которой в пренебрежительном отношении к философии. Вот пример их характерного рассуждения по поводу поднятой в XIX веке немецким естествоиспытателем и философом Эрнстом Геккелем проблемы «недостающего звена» – «обезьяночеловека»⁵³.

«Специалистам давно понятно, что поскольку становление человека – длительный процесс, а эволюция непрерывна, то между человекообразным приматом, жившим 10 миллионов лет назад, и современным человеком было МНОГО ЗВЕНЬЕВ. Эти звенья постепенно, одно за другим, палеоантропологи открывали в течение последних 100 лет... В итоге получилось не звено, а ЦЕПОЧКА.

Поэтому специалист обязательно уточнит: «недостающее звено» между кем и кем?

- Между «обезьяной и человеком»? Слишком расплывчато, на эту роль годится любой из австралопитеков...
 - Между Человеком разумным и питекантропом (*Homo erectus*)? Тогда это *Homo heidelbergensis*, живший 500 тысяч лет назад.
 - Между *Homo erectus* и австралопитеком? *Homo habilis*, человек умелый, 2 миллиона лет назад.
 - Между четвероногим и двуногим? Ардипитек, 4 с половиной миллиона лет назад.
 - Общий предок человека, шимпанзе и гориллы? Накалипитек, 10 миллионов лет назад.
 - Общий предок крупных человекообразных обезьян? Проконсул, более 15 миллионов лет назад.
 - Общий предок? Пургаториус, это вообще конец мелового периода.
- И т.д. ...»⁵⁴

Вопрос о «недостающем звене» между человеком и животным не ставится, такой вопрос «специалистам» представляется ненаучным – «слишком расплывчато». Ведь они считают, что им известно множество видов «людей», не говоря уже о «животных». Заменяв «звено» на «много звеньев», они уверены, что сняли проблему, но на самом деле они ее даже не увидели, хотя она очевидна для любого философа. Поднимая проблему «недостающего звена»

⁵² Сама по себе эта проблема не нова, и хорошо известно замечание Энгельса по поводу таких «естествоиспытателей». См.: Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Т. 20, с. 524–525.

⁵³ Заметим мимоходом, что первому эта идея пришла еще Декарту. См.: Декарт Р. Рассуждение о методе... С. 276–277.

⁵⁴ Соколов А.Б., Дробышевский С.В. Миф № 14: Недостающее звено не найдено... // Антропогенез.РУ, 2010 [Электр. ресурс]. URL: <http://antropogenез.ru/review/560/> (Дата обращения: 03.03.2013).

между обезьяной и человеком, проблему питекантропа – «обезьяночеловека», Геккель совсем не говорил о *количестве*: его интересовала проблема перехода к новому *качеству*, отличающему человека от животного, загадка человеческого ума. Карл Фохт, почти одновременно с Геккелем выдвинувший эту же идею, описывал искомое «недостающее звено» словами: «*Телом – человек, умом – обезьяна*». – Вот какой смысл был вложен в понятие «недостающего звена» изначально! А вовсе не тот, чтобы составить родословную человечества: «Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его...».

За сто с лишним лет ученые накопили огромный арсенал свидетельств «недостающего звена» и смогли увидеть, что «обезьяночеловек» – это не один, а множество видов, но за деревьями они перестали замечать лес: не заметили, как потерялся вопрос о *качественном* отличии человека от животного. Антропологам, занятым проблемой антропогенеза, явно не хватает философской масштабности мышления, не хватает объединения проблем антропогенеза и социогенеза. Человек ими представляется как продвинутое животное, а животное – сильно отставший в своем развитии человек. Переход от животного к человеку они растягивают в «цепочку», которая ничего не объясняет. В каком ее «звене» двуногое существо стало человеком? Это зависит от того, по какому критерию определять человека. Чаще всего выдвигаются три критерия: 1) прямохождение; 2) кисть, приспособленная к изготовлению орудий; 3) высоко развитый мозг⁵⁵. Но разве есть в природе такой закон, что животное не может быть прямоходящим? Или разве животные не изготавливают орудий, в том числе обезьяны, чья кисть не слишком отличается от человеческой, во всяком случае, позволяет им брать в руки палки и камни? Наконец, как определить, что мозг уже достаточно развит, чтобы считаться человеческим?

Нелепо думать также, что если по отдельности эти критерии не работают, то они могут оказаться действительны в своей совокупности. Они могли бы составить необходимую сумму предпосылок для появления действительного критерия, или входить в неё наряду с другими признаками, но сам по себе искомый критерий должен от них качественно отличаться. Только так работает диалектический закон перехода количественных изменений в качественные, а иначе это никакая не диалектика, а редукционизм. Но что это может быть за критерий?

Декарта, которого потомкам легко упрекать в незнании чего-то и связанных с этим ошибках, все же трудно упрекнуть в ненаучности мышления, хотя бы потому, что методические основы современного научного мышления заложил именно он. В его «Рассуждении о методе» записано первое правило «логики»:

«Первое – никогда не принимать за истинное ничего, что я не признал бы таковым с очевидностью, т. е. тщательно избегать поспешности и предубеждения и включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и отчетливо, что никоим образом не сможет дать повод к сомнению»⁵⁶.

И если далее в том же произведении Декарт принимал за истинное «разницу между человеком и животным»⁵⁷, то, стало быть, эта разница была для него очевидна. Но разве не очевидна она также и для нас? Разве со времен Декарта животные заговорили или засвидетельствовали нам при помощи каких-то других, неречевых знаков свои мысли? Знаменитые «говорящие» обезьяны при внимательном и беспристрастном изучении вопроса нисколько не опровергают, а лишь подтверждают неспособность животных к речи: во-первых, они не «говорят» в условиях дикой природы, т. е. естественных для своего вида; во-вторых, даже принимая во внима-

⁵⁵ Дробышевский С.В. Что отличает нас от обезьян? Уникальные признаки человека. // Антропогенез.РУ, 2010 [Электр. ресурс]. URL: <http://antropogenez.ru/zveno-single/18/> (Дата обращения: 03.03.2013).

⁵⁶ Декарт Р. Рассуждения о методе... С. 260.

⁵⁷ Там же, с. 283.

ние, что они способны перенимать «язык» друг у друга, его первоисточником для них остается человек; в-третьих, – и это, пожалуй, самое важное, – никто из них не оказался способен перешагнуть уровень развития речи двухлетнего ребёнка, а это значит, что у них нет перспективы для развития речи, и, стало быть, их причастность речевой способности не больше, чем обитающих в городах птиц – архитектуре.

Мы говорили об антропологах, но эту же самую ошибку – игнорирование качественной грани между животным и человеком и представление ее в виде постепенного перехода – совсем не обязательно плавного: многие видят разрывы и скачки, но не как цепь отрицаний – совершают ученые, исследующие глоттогенез. За последние годы вышло немало книг, в которых затрагиваются вопросы происхождения речи. Чаще за рубежом, но нельзя не отметить тот положительный факт, что эти книги довольно быстро переводятся на русский, издаются в России и, в общем, доступны. Думаем, что это свидетельствует о значительном интересе к данному вопросу⁵⁸.

Нам ни к чему останавливаться на анализе этих работ. Достаточно сказать, что каждая из них предлагает собственную концепцию происхождения языка. Всего же различных теорий происхождения языка по крайней мере несколько десятков. Уже сам факт, что за короткий промежуток времени появляется множество различных работ, посвященных одному вопросу, каждая из которых строит собственную теорию, не похожую на другие, говорит о многом, ведь в действительности глоттогенез имел место единожды, и ответ может быть только один. Само такое положение дел подталкивает ученых к выводам в духе позитивизма и утилитаризма, и некоторые их, действительно, делают. Например, один из авторов, Светлана Бурлак, на сайте Антропогенез.РУ, в авторский коллектив которого она входит, рассматривая вопрос о грани между языком и неязыком, приходит к выводу:

«Если сигналы (в частности, слова) нужны в общем случае для того, чтобы различать способы обращения с реальностью (отпрыгнуть или затаиться, сварить варенье или замариновать и т. п.), то разумно, на мой взгляд, будет не стремиться найти некоторую имманентно присущую природе грань (особенно в тех случаях, когда природе имманентно присущ континуум), а **спокойно ставить эту грань самим в зависимости от конкретной цели и задачи**»⁵⁹.

Обратим внимание: это говорит квалифицированный филолог, человек, для которого язык – основной предмет его деятельности. Говорит на сайте, позиционирующем себя коллективом «настоящих Специалистов – Антропологов с большой буквы»⁶⁰. Не хочется думать о том, в зависимости от какой конкретной цели и задачи может оказаться посаженная на гранты современная наука. По сути же Светлана Бурлак призвала отказаться от научной истины.

Так чего же не хватает выходящим работам, если ни одна из них не может не то что поставить точку в вопросе, – это, скорее всего, просто невозможно, – но хотя бы точно указать направление, в котором могли бы продвигаться остальные ученые? Ответ для нас очевиден: им не хватает метода. Не хватает историзма в современном понимании.

⁵⁸ Только за последние 15 лет в России вышли следующие работы зарубежных и отечественных авторов: *Пинкер С.* Язык как инстинкт. М.: «Едиториал УРСС», 2004; *Папов Е. Н.* Знаки, символы, языки. Коммуникация в царстве животных и в мире людей. М.: «УРСС»– «Либроком», 2011; *Томаселло М.* Истоки человеческого общения. М.: «Языки славянских культур», 2011; *Бурлак С. А.* Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы. М.: «Corpus», 2011; *Папов Е. Н.* Парадокс непрерывности. Языковой рубикон: о непроходимой пропасти между сигнальными системами животных и языком человека. М.: «Языки славянских культур», 2012; *Бикертон Д.* Язык Адама: Как люди создали язык, как язык создал людей. М.: «Языки славянских культур», 2012; *Фитч У. Т.* Эволюция языка. М.: «Языки славянских культур», 2013; и др.

⁵⁹ *Бурлак С. А.* Грань между языком и неязыком: реальность или артефакт восприятия? // Антропогенез.РУ, 2010 [Электр. ресурс]. URL: [http:// antropogenez.ru/article/192/](http://antropogenez.ru/article/192/) (Дата обращения: 18.12.2014). Выделено автором.

⁶⁰ О проекте // Антропогенез.РУ, 2010 [Электр. ресурс]. URL: [http:// antropogenez.ru/about/](http://antropogenez.ru/about/) (Дата обращения: 18.12.2014).

Все современные системы происхождения языка (а вместе с ними и человека) мы можем разделить на две неравные части. Первая часть – это системы, в которых глоттогенез опирается на коммуникативные системы животных. Коммуникативные системы, которые берутся за основу разными учеными, могут быть жестовыми (Томаселло, Поллик, де Ваал и др.) либо звуковыми (Митен, Миллер, Бикертон и др.). В том и другом случае никакого «недостающего звена» не требуется. При этом ученые могут сколько угодно говорить о великом значении языка: «Язык – это именно то, что делает нас людьми⁶¹», – говорит Д. Бикертон и даже ставит первой задачей своей книги доказательство этого факта. Он, как и некоторые другие исследователи (например, Панов), обнаруживает кардинальный разрыв между коммуникацией у животных и языком людей, но преодолеть его не умеет. Бикертон объясняет это тем, что язык возник не как средство общения людей, а как орудие мышления, «эволюционная аномалия»⁶² в развитии коммуникационных систем, и только потом стал использоваться людьми для связи друг с другом. Такая вот эволюционная петля, после которой развитие пошло на новом, более высоком уровне, но, в принципе, в том же направлении. То есть при всех оговорках возникновение языка все-таки рассматривается как результат эволюции (хотя и аномальной) коммуникативных систем животных, идущей параллельно эволюции видов. А значит, что бы ни говорили, а человек – только продвинутое животное, как и язык – продвинутая «коммуникативная система».

Отдельно хочется сказать несколько слов о работах российского зоолога, почитаемого коллегами за живого классика отечественной этологии, Евгения Николаевича Панова. В своих книгах, статьях и выступлениях он блестяще критикует доводы сторонников сближения коммуникации животных и языка людей, считая в целом «когнитивную революцию» в этологии свидетельством ее кризиса, связанным с отказом от базового принципа, изложенного пионером этологии Ллойдом Морганом: «Не следует интерпретировать действие животного как результат проявления высоких психических способностей, если оно может быть легко объяснено как проявление способностей, отвечающих более низкому уровню развития психики». Достаточно лишь знать, как устроен язык, – говорит Панов, – чтобы понимать, что коммуникация животных имеет с ним очень мало общего. И, в отличие от многих своих коллег, он, по всей видимости, уделил внимание изучению этого вопроса. Но, к сожалению, стоит ему в своих рассуждениях коснуться палеолитических предков людей, как, становясь жертвой магии слова «люди», он начинает сам совершать ту же ошибку, которую так блестяще критикует у оппонентов, пока речь идет о «животных». И вот уже «орудия труда» и сложные формы поведения, которые по Панову у шимпанзе никак не свидетельствуют о проявлениях высоких психических способностей и коммуникации, сравнимой с человеческой речью, у «человека умелого» начинают о них прямо свидетельствовать. Выходит, что, проводя мысль о невозможности постепенного перехода от коммуникации животных к языку человека и необходимости скачка, он не рассматривает этот скачок как переход к новой форме движения материи – социальному развитию в противоположность биологическому, а замыкает его в границах прежней формы. Но в таком случае скачок перестает быть скачком.

Другую часть теорий происхождения языка представляет одна единственная теория, изложенная в работе Б. Ф. Поршнева «О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии)». Это единственная теория, которая опирается на современное понимание историзма, позволяющее решить проблему радикального перехода в новое качество, полной замены предмета на противоположный, смену полюсов его развития. При этом теория Поршнева также единственная, которая потребовала восстановления проблемы «недостающего звена». Без него проблема пересечения грани между животным и человеком не решается: сперва в самом

⁶¹ Бикертон Д. Язык Адама: Как люди создали язык, как язык создал людей. М.: «Языки славянских культур», 2012, с. 2.

⁶² Там же, с. 245.

животном мире должно было возникнуть животное, противоположное всем другим животным каким-то своим особым свойством, «антиживотное», и только потом, через отрицание этого свойства, а вместе с ним уже и животных свойств вообще, появиться человек – социальное, говорящее существо.

Однако теоретические построения Поршнева обесценились бы, если бы они были лишь умственными спекуляциями, не опирающимися на знание физиологии нервной системы. И в этом пункте мы снова можем указать на уникальность поршневской системы: теоретической основой для обоснования качественного скачка от животного к человеку для нее служит учение И. П. Павлова о двух сигнальных системах – итог его многолетних исканий в области физиологии высшей нервной деятельности.

Когда Павлов открыл условный рефлекс, ему казалось, что с его помощью он сможет объяснить психику человека. Описывая в 1903 г. перед научной общественностью свои опыты, связанные с условнорефлекторной работой слюнных желез собаки, ученый заявлял: «Слюнная реакция животного могла бы рассматриваться в субъективном мире как субстрат элементарного, чистого представления, мысли»⁶³. Мышление представлялось ему условным рефлексом второй степени. Понадобилось почти тридцать лет работы в лаборатории, чтобы Павлов, научившийся к тому времени выстраивать у животных условные рефлексы не только второй, но уже чуть ли не седьмой степени, наконец, признал: загадку человека, идя по этому пути, не раскрыть. Вот тогда и возникло учение о двух сигнальных системах (при определяющем значении для человека второй сигнальной системы), и был установлен факт отрицательной взаимной индукции между ними.

«Разве наш рост не состоит в том, что под влиянием воспитания, религиозных, общественных, социальных и государственных требований мы постепенно тормозим, задерживаем в себе все то, что не допускается, запрещается указанными факторами? Разве мы в семье, в дружеском кругу не ведем себя во всех отношениях иначе, чем при других положениях жизни?»⁶⁴

Таким образом общее представление о грани между человеком и животным конкретизировалось в терминах физиологии высшей нервной деятельности как проблема появления второй сигнальной системы. Для научной постановки вопроса о начале человеческой истории это оказалось важнейшим вкладом. Стало ясно:

«Психология человека – это физиология нервной деятельности на уровне существования второй сигнальной системы»⁶⁵.

Ясно, что решать вопрос о происхождении языка – главного инструмента второй сигнальной системы – без учета данных физиологии высшей нервной деятельности и учения о двух сигнальных системах невозможно. Но если мы заглянем в именную указатель любой из современных работ по глоттогенезу, то не найдем там имени Павлова. И не то чтобы данные нейрофизиологии совсем не принимались в расчет, но игнорируется именно учение о двух *противоположных* сигнальных системах, а вместе с ним – момент качественного перехода.

Поршневу не только приступил к ответу на вопрос о происхождении языка и речи, предварительно изучив все, что на тот момент было известно о физиологии нервной деятельности, тесно общаясь с нейрофизиологами и даже проводя собственные эксперименты. В процессе поиска ответа он совершил настоящее научное открытие в этой области, синтезировав на основе многолетнего изучения неадекватных рефлексов учения Павлова и Ухтомского в ори-

⁶³ Павлов И.П. Экспериментальная психология и психопатология на животных. Речь на одном из общих собраний Международного медицинского конгресса в Мадриде в апреле 1903 г. // Павлов И.П. Рефлекс свободы. СПб: «Питер», 2001, с. 13.

⁶⁴ Павлов И.П. Проба физиологического понимания симптоматики истерии // Павлов И.П. Рефлекс свободы. С. 253.

⁶⁵ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). С. 101.

гинальную теорию тормозной доминанты и предложив бидоминантную модель высшей нервной деятельности. История этого открытия не проста, как и его дальнейшая судьба. Поначалу Поршнев крайне скептически относился к павловскому учению о рефлексах, считая, что «идея рефлекса изжила себя по мере приложения к высшим организмам»⁶⁶, и выдвигал на первый план идею доминанты А. А. Ухтомского. Но в то время (речь идет о начале 1950-х гг.) открыто высказать подобные взгляды было сложно: по результатам объединенной научной сессии АН СССР и АМН СССР, посвященной проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова, летом 1950 г. учение Павлова было узаконено в качестве единственной научной основы физиологии в СССР. Только в мае 1962 г., после Всесоюзного совещания по философским вопросам высшей нервной деятельности и психологии, на котором Поршнев выступал с докладом⁶⁷, монополия была отменена. Но именно тогда, когда критиковать Павлова стало можно (и едва ли не модно), Поршнев неожиданно осознал, что его прежняя критическая позиция – «теория доминанты опровергает рефлекторную теорию» – совершенно недостаточна. Его изучение нейрофизиологии все эти годы не прекращалось. Позже он отмечал, что «сам Ухтомский долгое время преувеличивал расхождение своей концепции... с направлением И. П. Павлова», но в конце концов признал, «что многое в его принципе доминанты гармонически сочетается и рационально размежевывается с павловскими условными рефлексам»⁶⁸. Глубокое расхождение между двумя великими физиологами оставалось в вопросе о торможении, но Поршневу наконец удалось его преодолеть.

Ко времени написания главного труда своей жизни от былого скепсиса в отношении учения Павлова у Поршнева не осталось и следа.

«Эта великая научная теория, детально разработанная сотрудниками и последователями И. П. Павлова, широко известна. Несмотря на все попытки объявить ее потенциал ныне исчерпанным, она продолжает оказывать на подлинную физиологическую и психологическую науку и на мировоззрение стойкое воздействие. Она олицетворяет безоговорочный материализм и детерминизм в науке о работе мозга, в которую с других концов просачивается так много наукообразной невнятицы и неумности, так много нежелания ясно мыслить о самом сложном, что создала природа, наконец, так много просто философской недоученности при любой степени знания анатомии, химизмов и электрофизиологии мозга. Короче, теория И. П. Павлова удовлетворяет высшему со времен Декарта критерию истины – ясности. По крайней мере это можно утверждать о многих из ее основных положений и результатов»⁶⁹.

Учение Павлова об условных рефлексах изменило господствовавшее ранее представление о рефлексах как о заранее заданных, раз и навсегда установленных нервных связях. Фактически павловская школа доказала, что центральная нервная система способна устанавливать реактивные связи всего со всем. Оставалось лишь непонятно, как это работает.

Эту сторону физиологии нервной деятельности исследовал А. А. Ухтомский. Именно он первым сформулировал принцип доминанты (хотя ранее его наблюдали многие физиологи) и создал на его основе свою теорию⁷⁰. Смысл принципа доминанты в том, что на рецепторы орга-

⁶⁶ Поршнев Б.Ф. Гипотеза о тормозной доминанте. Рукопись (автограф), ОР РГБ, 684/22/11, л. 36–37. Цит. по: Вите О.Т. «Я – счастливый человек». Книга «О начале человеческой истории» и ее место в творческой биографии Б.Ф. Поршнева [Приложение] // Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). С. 685.

⁶⁷ См.: Поршнев Б.Ф. [Вопросы высшей нервной деятельности и антропогенез. Выступление] // Философские аспекты физиологии высшей нервной деятельности и психологии. Материалы совещания. М., 1963.

⁶⁸ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). С. 157.

⁶⁹ Там же, с. 155.

⁷⁰ См.: Ухтомский А.А. Доминанта как рабочий принцип нервных центров // Ухтомский А.А. Собрание сочинений. Т. 1. Л., 1950. Первая публикация: Русский физиологический журнал. Пг., Т. VI., 1923, вып. 1–3.

низма в каждый данный момент одновременно воздействует огромное количество разнообразных раздражителей; если бы все они вызывали реакцию организма, то буквально разорвали бы его в первый же миг. Этого не происходит, потому что рефлексy не работают каждый сам по себе, но работают в совокупности: во-первых, центральная нервная система тормозит реакции, сохраняя возможность для одной или немногих из них; во-вторых, раздражения, которые должны были вызвать заторможенные рефлексy, усиливают протекающий в это время или подготовленный другой рефлекс. Ухтомский сосредоточил свое внимание на «во-вторых», а так называемые «сопряженные торможения» оставались для него и его школы на заднем плане, и только Поршнеv сумел разглядеть в этом явлении нераскрытый эвристический потенциал.

«Тело представляет собой множество сменяющих друг друга машин, своевременно и пластически приспособляющих его к условиям момента, однако лишь если в каждый отдельный момент имеется одна определенная степень свободы и энергия направляется на выполнение одной очередной работы. Это значит, что все остальные должны быть в этот момент исключены, устранены, заторможены.

Следовательно, половина дела или даже наибольшая половина торможение. Уже даже в простейших технических приборах, говорит Ухтомский, осуществление механизма предполагает устранение (торможение) множества возможных перемещений ради сохранения немногих или одного. Тем более в теле животного механизмы осуществляются настолько, насколько устраняются (тормозятся) множества движений ради использования немногих степеней свободы или, еще лучше, одной степени свободы⁷¹.

Здесь мысль А. А. Ухтомского достигает кульминационной точки, критического рубежа. Не вытекает ли из этого рассуждения, что физиолог должен обратить главное внимание на это количественно господствующее явление, торможение, и допустить, что оно поглощает подавляющую массу рабочей энергии организма? Но А. А. Ухтомский отказывается от этого логичного шага»⁷².

Почему? Ухтомского подвела аналогия с техническими механизмами, которую он (в духе времени?) использовал в своих построениях. Предположив, что в тормозящиеся центры поступают не такие импульсы, какие нужны для положительной работы – усиленные или учащенные, вместо редких и умеренных, – он отбросил это предположение, потому что это «значило бы допустить, что работа нервного механизма рассчитана на невероятно расточительную трату энергии»⁷³. И здесь непонимание качественных различий форм движения материи!

«А. А. Ухтомский исходит из недоказанного постулата экономии затрат на предпосылку действия, тогда как сомнительно вообще высчитывать, что дороже, что дешевле, если все идет в общее дело»⁷⁴.

Шаг, которого не сделал Ухтомский, сделал Поршнеv, на практике доказав его целесообразность решением проблемы неадекватных рефлексов. Можно сказать, что он подобрал отброшенную Ухтомским гипотезу. Для великого диалектика⁷⁵ нелепость мотивировки великого физиолога была очевидна:

⁷¹ См.: Ухтомский А.А. Парабоз и доминанта // Ухтомский А.А. Собрание сочинений. Т. 1. Л., 1950, с. 233–236.

⁷² Поршнеv Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). С. 158–159.

⁷³ Ухтомский А.А. Доминанта как рабочий принцип нервных центров. С. 167.

⁷⁴ Поршнеv Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). С. 159.

⁷⁵ См.: Глушенко В.В. Методологический гимн материалистической диалектике // Марксизм глазами XXI века. Десятые

«Какой недостаточный аргумент! Сколько фактов свидетельствует о расточительности живой природы»⁷⁶.

Согласно общей схемы поршневой модели, всякому центру, «доминантному в данный момент в сфере возбуждения, сопряженно соответствует какой-то другой центр, в этот же момент пребывающий в состоянии торможения. Иначе говоря, с осуществляющимся в данный момент поведенческим актом соотнесен другой определенный поведенческий акт, который преимущественно заторможен. Эти два вида деятельности биологически отнюдь не сопряжены друг другу»⁷⁷. Безусловный или условный раздражитель возбуждает одновременно оба этих реципрокных (взаимопротивоположных) центра: адекватный и неадекватный. Вся масса возбуждений от раздражителей, поступающих на рецепторы, в центральной нервной системе делится между двумя доминантными центрами, причем делится очень неравно: на адекватный центр поступает лишь небольшая часть возбуждений – биологически оправданных, связанных прежним опытом с данной группой анализаторов. Подавляющая часть раздражений, нейтральных для первого центра, т. е. отторженных прежним опытом от адекватного поведения, устремляется, как в воронку, на сопряженный неадекватный центр. В результате он мгновенно оказывается перевозбужден и переходит в состояние парабриоза – стойкого неколебательного возбуждения, иначе говоря, оказывается глубоко заторможен. Итак, он становится *фокусом торможения* в коре и всей нервной системе, оттягивая на себя излишек возбуждения и предохраняя таким образом адекватную, положительную доминанту от перевозбуждения и перехода в заторможенное состояние⁷⁸.

Эта схема объясняет казавшийся неустранимым в концепции Ухтомского парадокс: каким образом доминанта предохраняется от перевозбуждения и рокового перехода в свою противоположность? И эта же схема дает дополнительное основание концепциям Павлова о взаимной индукции возбуждения и торможения и об иррадиации и концентрации возбуждения.

Как уже было сказано, Поршневу доказал правильность этой модели, решив проблему неадекватных рефлексов⁷⁹. На эту проблему обращали внимание многие физиологи до Поршнева, однако они либо никак ее не объясняли, либо объясняли неудовлетворительно. Иногда просто ограничивались признанием «патологии». В павловской лаборатории данное явление первоначально фиксировалось как «непроизвольные движения», хотя сам этот термин антифизиологичен по сути. Позже его описывали как «смещенный рефлекс», «усеченный рефлекс» и т. д. Термин «неадекватный рефлекс», предложенный в конце 1950-х годов А. А. Крауклисом, который не сумел правильно объяснить само явление⁸⁰, был принят Поршневым как, на его взгляд, «наиболее точный из всех ранее предложенных»⁸¹.

Когда адекватный поведенческий акт для животного становится невозможен, возбуждение продолжает по инерции поступать на доминантный центр, перегружая его; центральная нервная система достигает ультрапарадоксального состояния, при котором центры возбуждения и торможения меняются местами (так называемая инверсия тормозной доминанты); в результате находившийся в фокусе торможения рефлекс вырывается наружу, и, к примеру,

Кузбасские философские чтения. Материалы научной конференции с международным участием. Кемерово, 24–25 мая 2018 г. / редкол. В. М. Золотухин (отв. ред.), В. П. Щенников (отв. ред.); КузГТУ. – Кемерово, 2018. С. 65–69.

⁷⁶ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). С. 159.

⁷⁷ Там же, с. 171.

⁷⁸ См.: там же.

⁷⁹ Отчет см.: Поршнев Б.Ф. Неадекватные рефлексы и их значение в эволюции высших животных (автореферат доклада) // Московское общество испытателей природы. Бюллетень отдела биологии. М., 1965, т. LXX, вып. 3. Опыты проводились в октябре 1963 г. в лаборатории условных рефлексов Института экспериментальной патологии и терапии в Сухуми.

⁸⁰ Крауклис А.А. Условнорефлекторная регуляция нервной деятельности. Рига, 1960.

⁸¹ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). С. 142.

собака, лишенная возможности продолжить пищевой рефлекс, начинает чесаться (или встряхиваться, лаять – в разных ситуациях варианты могут быть разные). Биологически неадекватный рефлекс не оправдан, являя собой как бы рефлекс «наоборот», и в этом моменте Поршневу удалось увидеть ключ к теоретической реконструкции «недостающего звена».

Но это не все. Даже не имея еще в арсенале никакой теории для объяснения неадекватного рефлекса, опираясь исключительно на эмпирические экспериментальные данные, физиолог павловской школы П. С. Купалов доказывал, «что нет принципиальной разницы между так называемыми произвольными и непроизвольными движениями»⁸². Подкрепляя в моменты трудных дифференцировок «непроизвольные движения», ему и его сотрудникам удалось воспроизвести у животных эти движения и закрепить их в виде условных рефлексов, т. е. движений «произвольных». Тысячи раз физиологи наблюдали неадекватные рефлексы при провоцировании у животных экспериментальных неврозов, открытие которых само по себе было «вершиной достижений павловской физиологической школы и самым неоспоримым доказательством ее истинности – проникновением в глубокие механизмы работы мозга»⁸³. Итогом двадцатипятилетнего погружения в тему, включающего собственные многолетние опыты над животными, для Поршнева стало диалектическое осмысление механизма работы центральной нервной системы, при котором адекватный и неадекватный рефлексы представляют два полюса противоречия, движущего развитие первой сигнальной системы.

Теория тормозной доминанты и созданная на ее основе би-доминантная модель высшей нервной деятельности – гвоздь всей концепции Б. Ф. Поршнева. При чтении книги он заслоняется обилием ярких гипотез, колоссальных по масштабам вытекающих из них следствий, но именно он удерживает на себе всю картину. И если нам не довелось дождаться достойного критического анализа поршневской концепции в целом, то об этой ее составляющей в «официальной» научной литературе никогда не упоминалось вовсе. Возможно, именно здесь находится «фокус торможения» идей Поршнева – ученого, посмеявшегося не просто залезть на «чужую делянку», но и совершить там подлинное научное открытие.

⁸² Купалов П.С. Учение о рефлексе и рефлекторной деятельности и перспективы его развития. // Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии. М., 1963, с. 133.

⁸³ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). С. 145.

Глава 3

Вопрос о начале человеческой истории и проблема синтеза гуманитарного знания

К вопросу о начале человеческой истории Б. Ф. Поршнев подошел с четким сознанием стоящей перед ним проблемы, выраженным в уже процитированной нами ранее антиномии:

«Социальное нельзя свести к биологическому. Социальное не из чего вывести, как из биологического»⁸⁴.

В советской науке проблема отношения биологического и социального признавалась актуальной задачей, поскольку прямо касалась диалектической схемы прогрессивной смены форм движения материи, находясь тем самым на острие идеологического противостояния. Но, несмотря на официальное господство марксизма, постановка проблемы была предельно абстрактной – антимарксистской по духу. Биологическое и социальное брали как статичные, неподвижные, равные самим себе величины. От ученых требовалось определить эти величины, их пропорции в отношении друг к другу. Это требование отражено в названии сборника 1975 года, представляющего материалы к предстоящему симпозиуму: «Соотношение биологического и социального в человеке»⁸⁵.

В книге представлены самые разные точки зрения на проблему – самые разные пропорции «соотношения». Справедливости ради скажем, что многие статьи интересны, а некоторые не утратили актуальность до сих пор, как, например, статья Гальперина⁸⁶ – одна из лучших в сборнике, на наш взгляд. Но ни одна из статей не ставит вопрос о переходе, качественном скачке, не ставит вопрос с точки зрения *движения материи*, не пытается решить его у основания. Это показывает, что авторы сборника и не стремились рассматривать биологическое и социальное как *действительные* противоположности, составляющие единство и переходящие друг в друга в *реальности*, а не только мысленной абстракции. В действительности определить грань между биологическим и социальным можно лишь на основе изучения действительно однажды имевшего место перехода от биологического к социальному, т. е. на основе изучения вопроса о начале человеческой истории.

Социальное присутствует уже в биологическом, – исследователи «социального поведения» животных не так уж неправы, – но у животных нет и не может быть социального развития, у них нет истории. Между социальным как проявлением одной из сторон биологического развития и социальным как особой формой движения материи, социальным развитием на собственной основе – качественная разница. И наоборот: исторический человек продолжает оставаться биологическим организмом, но не более чем он остается также химической средой, физическим телом и механически движущимся объектом, – т. е. без определения заданным комплексом характеристик его человеческой сущности. Сущность же его именно в том, что он – *социальное существо*.

В объемном сборнике 1975 года Поршнев – к тому времени уже покойный – упомянут лишь в одной статье (в связи с частным вопросом о торможении)⁸⁷. И это несмотря на

⁸⁴ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). С. 13.

⁸⁵ Соотношение биологического и социального в человеке (Материалы к симпозиуму в г. Москве – сентябрь 1975 г.). М., 1975.

⁸⁶ Гальперин П.Я. К проблеме биологического в психическом развитии человека // Соотношение биологического и социального в человеке. С. 250–262.

⁸⁷ См.: Каменева Е.Н. Роль процессов торможения в развитии человека и их нарушения при психических заболеваниях в био-социальном аспекте // Соотношение биологического и социального в человеке, с. 574–582.

свое совсем недавнее активное участие в такого рода симпозиумах и совещаниях с докладами, на многие публикации, неизменно отличающиеся оригинальной постановкой вопросов, обязанной глубокому пониманию марксизма. Временами может даже возникнуть ощущение, что участники сознательно пытаются забыть его, и у такого ощущения есть основание. Он – оппонент всем им сразу, всему официальному «марксизму». Он – единственный среди них марксист, которого заинтересовал момент качественного перехода и кто перенес вопрос о биологическом и социальном на конкретную почву действительной человеческой истории, где этот момент соответствовал отправной точке. И такой подход к вопросу был единственно марксистским.

Для диалектического разрешения антиномии Поршнев представил развитие человечества в виде последовательности двух инверсий. Идея инверсии «кратко может быть выражена так: некое качество (А/В) преобразуется в ходе развития в свою противоположность (В/А), – здесь все не ново, но все ново»⁸⁸. При этом в идее инверсии сведены вместе все три закона диалектики⁸⁹.

В свете идеи инверсии яснее раскрывается подлинно философский смысл геккелевской проблемы «недостающего звена». Геккелевский «обезьяночеловек» (он же поршневатский «троглодит») был животным (по Поршневу – целым семейством прямоходящих приматов), обладающим уникальным для животного мира качеством. Благодаря Поршневу, теперь мы знаем, что это за качество (вот для чего нужно было столько лет изучать неадекватные рефлексы!), это – интердикция, биологическая утилизация неадекватного рефлекса, при которой последний приобретает положительный смысл. Другими словами, палеоантропы – самый высокоразвитый вид троглодитид – провоцировали у других животных неадекватный рефлекс, используя его для решения своих биологических задач. Собственно провокацию неадекватного рефлекса мы именуем интердиктивным сигналом. Вероятнее всего, занимая в биогеоценозе нишу падальщиков, палеоантропы отгоняли таким образом хищников от их добычи, присваивая себе ее часть. Но провоцирование неадекватного рефлекса означает отмену у организма адекватного рефлекса, т. е. всей его нормальной биологии.

«Интердикция и составляет высшую форму торможения в деятельности центральной нервной системы позвоночных. Характерно, что интердикция никак не связана с обычным физиологическим механизмом положительного или отрицательного подкрепления. Эта специфическая форма торможения образует фундамент, на основе которого возможен переход от первой сигнальной системы (безусловных и условных рефлексов) ко второй – человеческой речи. Однако сама по себе интердикция еще не принадлежит ко второй сигнальной системе»⁹⁰.

Вместе с имитативным (подражательным) рефлексом, хорошо развитым у всех приматов и, по всей видимости, достигшим пика развития в семействе троглодитид, интердикция составляет единый имитативно-интердиктивный комплекс, определявший в значительной части поведение палеоантропов. Это поведение еще не было социальным, но уже было в известном смысле «антибиологичным».

Здесь необходимо пояснение. Термин «палеоантропы» Поршнев в соответствии с традицией своего времени употреблял как синоним «неандертальцев», или, если точнее, то «в широком смысле неандертальцев», т. е. палеоантропы – род в составе семейства троглодитид,

⁸⁸ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). С. 13.

⁸⁹ Глущенко В.В. Методологический гимн материалистической диалектике // Марксизм глазами XXI века. Десятые Кузбасские философские чтения. Материалы научной конференции с международным участием (Кемерово, 24–25 мая 2018 г.). Кемерово, 2018, с. 67–68.

⁹⁰ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). С. 323.

согласно предложенной Поршневым таксономической реформе включающем в себя всех неговорящих прямоходящих приматов⁹¹. Взгляд на неандертальцев как наших предков был в то время общепринят. Однако, начиная с конца XX века его принято считать опровергнутым. Исследования митохондриальной ДНК, выделенной из останков неандертальца, найденных в гроте Фельдгофер (Германия), а затем и из скелета, найденного в Мезмайской пещере (Северный Кавказ), позволили предполагать, что генетические линии, ведущие к человеку и неандертальцу, разделились 500 000 лет назад, т. е. еще в Африке, откуда 300 000 лет назад предки неандертальцев проникли в Европу – задолго до появления в Африке вида *Homo sapiens*. Это, возможно, и революционное для антропологии открытие для нашей работы тем не менее ничего не меняет. Мы сохраняем термин «палеоантропы» в его изначальном и буквальном значении – «древние люди» – как обозначение *предкового* по отношению «неоантропам» – «новым людям» – вида, безотносительно того, скрываются за этим термином неандертальцы или какой-то другой вид троглодитид. В конце концов, человек «отшнуровался» не просто от одного из видов троглодитид, но от всего семейства прямоходящих приматов, и более того – покинул животное царство.

В ходе дивергенции с палеоантропами, нервная физиология неоантропов, опираясь на фундамент интердикции, выстроила новый уникальный механизм, вытолкнувший их за границы животного царства. Этот механизм – *суггестия*. Находясь в основе человеческой речи, психики и социальности, суггестия примечательна своего рода синкретизмом объективного и субъективного. С одной стороны – это внушение посредством знака биологически неадекватного поведения (нет необходимости внушать то, что и так диктуется рефлексом). С другой – это ощущение «мы», самоутверждение себя *общностью* посредством «первоэмоции», которую можно характеризовать как «абсолютное доверие», «вера». Две стороны суггестии невозможны одна без другой и необходимо дополняют друг друга. В связи с этим абсолютно непромерны представления о каком-то «суггесторе» – индивидуальном субъекте суггестии: нет, не один индивид внушает другому, а сама общность, возникая в отношениях и через это ощущениях индивидов, внушает им необходимое для сохранения себя поведение. Характерные особенности этих отношений мы попытаемся выяснить во второй части исследования, здесь же лишь подчеркнем крайне важный для понимания предмета нашего исследования момент: субъект суггестии – общность.

Интердикция и суггестия вместе представляют собой две стадии в развитии *инфлюации* – прямого неконтактного воздействия на поведение. Но если интердикция полностью укладывается в биологическое поведение, то суггестия так же полностью лежит за его пределами. Качественный переход от интердикции к суггестии – первая инверсия, раскрытие которой составляет фабулу книги «О начале человеческой истории», – оказался таким образом в пределах одного явления, что дало возможность его научного описания. Замечательный пример диалектики прерывности и непрерывности!

Но первобытный человек – абсолютно несвободный – представляет собой качественную противоположность не только для животного троглодита, но и для современного человека, который если и не завоевал еще себе абсолютной свободы, тем не менее уже полагает ее для себя абсолютной ценностью. И если выделение человека из троглодитид – первая инверсия, то вся история человечества – вторая инверсия, качественный скачок не меньшего масштаба. Установление первой инверсии определяет точку старта, но вместе с ней и общий вектор человеческого развития: история человечества есть отрицание в разных формах и с переменным успехом первобытной суггестии⁹².

⁹¹ См.: там же, с. 76.

⁹² Поршнев Б.Ф. Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформация в развитии человечества) // История и психология. – М.: «Наука», 1971. С. 7–35.

Поршнева определяет два очевидных признака *Homo sapiens*, которые в ходе исторического развития шаг за шагом переходят в свою противоположность: во-первых, это систематическое взаимное внутривидовое умерщвление; во-вторых, это способность к абсурду⁹³. Оба эти признака совершенно нехарактерны для животного мира, являя собой исключительный продукт дивергенции неантропа и палеоантропа – результат их отношений в эпоху дивергенции. Таким образом в научный оборот вводится представление палеоантропа как «античеловека», отталкиваясь от которого устанавливались границы человеческого. При этом человечество несет отпечаток античеловеческого в себе и лишь в результате второй инверсии приходит к себе истинному. Если до сих пор этика представляла собой чисто философскую дисциплину, поднимающую вопросы человечности как таковой (что такое человек? что для него свойственно, а что против его природы? как ему следует поступать, чтобы соответствовать своему понятию? и т. д.), то исследование Поршнева открыло возможность нового научного подхода к этическим проблемам. Гуманитарное знание в целом приобретает на наших глазах иное звучание.

Одновременно концепция Поршнева снимает важную предпосылку идеи «золотого века». Не разумный, а безумный вышел человек из природы и лишь ценой исторического развития завоевывает себе разум. На фоне этого знания всякие апелляции к «посконности», «старине», «прежним временам» становятся нелепы и беспомощны. Уходящие корнями в первобытность, так называемые «традиционные ценности» имеют смысл лишь в логике тотального противостояния закрытых групп («мы» – «они»), так как их функциональное предназначение сводится к установлению границы между «мы», всегда понимаемому как «люди» («настоящие люди»), и «они», понимаемому как «не-люди» («не совсем люди»). Эти «ценности» отсылают нас к временам, когда человек, едва завершив дивергенцию с предковым видом, перенес отношения дивергенции внутрь собственной популяции, положив отправную точку развитию социальных отношений.

Но научно-методологическое значение поршневской палеопсихологии на этом не заканчивается. Раскрывая диалектический переход от биологического к социальному, она связывает социально-гуманитарные науки с естественными, или, говоря словами Поршнева, перекидывает между ними мостик. И это не может не повлиять основательным образом на структуру всего научного знания, и прежде всего – социально-гуманитарного знания, в основании которого с этого момента закрепляется аксиома:

«Изменения общества были вместе с тем изменениями людей, разумеется не их анатомии, но их психики, которая социальна во всем, на всех своих уровнях»⁹⁴.

В ходе развития социальная природа человека изменяет свой характер на противоположный. Остается неизменным лишь четкий критерий, отличающий человеческую социальность от того, что упорно называют «социальностью» этологи и зоопсихологи, применяя этот термин к животным и даже одноклеточным, иногда доходя на этом пути до нелепостей⁹⁵

⁹³ Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). С. 380–381.

⁹⁴ Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). С. 13.

⁹⁵ Так, из одной научно-популярной работы последних лет мы смогли узнать: «Дрожжи в последние годы стали излюбленным объектом ученых, занимающихся поведением социальных систем». Марков А.В. Эволюция человека. В 2-х кн. Кн. 2: Обезьяны, нейроны и душа. – М.: «Астрель»– «CORPUS», 2011. С. 311.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.